

ТАЮТА

ЗАГАДЫВАЯ
ЖЕЛАНИЯ

Таюта Таюта

Загадывая желания

<https://litres.ru/74167328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждое желание имеет цену. Но что, если цена — это ты сам?

С детства Миша знает: мир — это торг. Всё можно получить, если правильно сформулировать запрос и знать, чем готов заплатить. Тайный проводник, приходящий на зов, учит его искусству сделок: точность формулировок, ясность условий и — самое главное — готовность отдать часть себя.

Так Миша становится лучшим. Лучшим учеником, лучшим студентом, лучшим юристом. Он привыкает к лёгким победам и блестящей карьере, почти не замечая, как внутри него разрастается пустота. Ведь у каждого договора есть обратная сторона, и проводник всегда забирает больше, чем кажется.

Но кто он на самом деле? Друг, который помогает? Хищник, который ждёт? Или тот, кто связан с Мишей древней тайной, уходящей корнями в прошлое его семьи?

«Загадывая желания» — это мистическая драма о том, как мечты становятся ловушкой, а успех — клеткой. О цене выбора и о том, что по-настоящему ценно, когда у тебя почти ничего не осталось.

Содержание

Глава 1. Тот, кто приходит на зов	4
Глава 2. Уроки и соблазны	19
Глава 3. Отсечение привязанностей	38
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Загадывая желания

Глава 1. Тот, кто приходит на зов

Бронхит пришёл в середине сентября, когда листва за окном ещё только начинала желтеть, а воздух пах прелыми яблоками и дымом от соседской печи. Михаилу было семь, и он лежал в постели уже четвёртый день, глядя в потолок, по которому ползла тонкая трещина — от угла к люстре, словно маршрут муравья на бабушкиной карте.

Болезнь он воспринимал спокойно. Мать говорила — в его возрасте так болеют все. Отец говорил — организм слабый, надо закаляться. Бабушка говорила другое.

— Ты у нас особенный, Мишенька, — сказала она вчера, поправляя одеяло. Глаза у бабушки были тёмные, глубокие, как вода в старом колодце на заднем дворе. — У тебя кровь говорит. Предки по моей линии с духами знали. Ты не пугайся, если что.

Миша не пугался. Он вообще редко пугался — не потому, что был смелым, а потому, что считал страх неудобным. Папа учил: любое чувство должно работать на тебя. Если страх не помогает — зачем он нужен?

За окном раздался звонкий перестук колёс, и мальчик повернул голову к стеклу. Его сосед, Илюша, катил по асфальту новенький велосипед — синяя рама с белыми полосами,

блестящие спицы, красный звонок на руле. Илюша смеялся. Ветер трепал его светлые волосы. Солнце било в спицы, и казалось, что колесо объято огнём.

Миша смотрел на велосипед и чувствовал, как внутри поднимается странное, тягучее, почти болезненное чувство. Не зависть — он не завидовал, он был выше этого. Это было что-то другое. Ощущение несправедливости. Ошибки в расчётах. Илюша — мальчик обычный, посредственный, он не умеет формулировать мысли, он плачет, когда падает, он боится темноты. Почему у него есть велосипед, а у Михаила — только мокрый платок на лбу и кашель, раздражающий грудь?

Он не терпел беспорядка. Не в том смысле, в каком не терпят грязи обычные дети, — он раскладывал игрушки строго по росту, машинки — по цвету, карандаши — по длине. Когда мать переставляла что-то на его столе, он замечал это сразу, и внутри поднималось глухое раздражение, похожее на зуд. Отец называл это «врождённой педантичностью». Бабушка — «страхом перед хаосом». Миша не знал, кто из них прав, но продолжал ровнять ряды, потому что в этом мире, где почти ничего нельзя было контролировать, хотя бы игрушки подчинялись правилам.

Он закрыл глаза и вспомнил бабушкины уроки.

— Есть те, кто приходит на зов, — говорила она, перебирая сухие травы над деревянным столом. Пахло полынью и чем-то сладким, приторным, почти тошнотворным. — Только звать надо правильно. Не просить — это унижительно. Не

требовать — это глупо. Договариваться. Как отец твой договаривается с судьями. Как дед мой договаривался с лесом. Мир — это торг, Мишенька. Всё на свете — торг.

Открыв глаза, мальчик уткнулся взглядом в трещину на потолке и начал формулировать:

«Я хочу велосипед. Такой, чтобы никто не мог отобрать. Такой, чтобы...»

Он остановился. Папа учил: в договоре главное — детали. Если не пропишешь детали, получишь не то. Хочешь велосипед — уточни. Какой? Синий, как у Илюши? Нет, зачем повторять. Лучше чёрный с серебряными полосами, как машина отца. И чтобы звонок не красный, а медный, с низким звуком. И чтобы колёса никогда не спускали.

Теперь — цена. Бабушка говорила: «Никогда не предлагай то, что не готов отдать. Духи чувствуют ложь быстрее людей». Что он готов отдать? Здоровье? У него и так бронхит. Время? Слишком абстрактно, папа бы сказал — неконвертируемая валюта. Часть себя?

Он подумал о высоте. В прошлом году отец водил его на колесо обозрения в парке, и Миша тогда вцепился в поручень так, что побелели пальцы. Не от страха — от неожиданности. Мир вдруг стал далёким и ненастоящим, люди внизу — точками, деревья — зелёной пеной. Ему не понравилось это чувство, и испытывать его снова совсем не хотелось.

— Я хочу велосипед, — прошептал он в потолок. — Чёрный, с серебряными полосами, с медным звонком, с колёса-

ми, которые не спускают, и такой, чтобы никто не мог его отобрать. Взамен я отдаю способность бояться высоты. Полностью. Навсегда.

Немного помолчал и добавил:

— При свидетелях.

Бабушка говорила: «Духи уважают формальности. Чем серьёзнее подход, тем серьёзнее ответ».

В комнате ничего не изменилось. Солнце всё так же било в окно. Илюша всё так же катил по улице свой велосипед. Трещина на потолке никуда не делась. Миша вздохнул и прикрыл глаза. Бабушкины сказки.

Он уже почти задремал, когда почувствовал запах. Пахло мокрой шерстью и полевыми травами. И ещё чем-то — сладким, как мёд, но с горьковатым оттенком, как дым от костра.

— Какая пре-е-еле-е-есть.

Голос был низким, тягучим, с растянутыми гласными, как будто слова не хотели заканчиваться. Михаил распахнул глаза. И в тот же миг ощутил, как взгляд Ждана — янтарный, с чёрными иглами зрачков — накрыл его, словно тёплая ладонь. Не страшно. Странно. И будто бы знакомо.

В углу комнаты, у старого бабушкиного комода, стоял человек. Вернее — почти человек. Он был высоким, выше отца, и одет странно: белая рубаша с вышивкой по вороту и рукавам — красные нити, чёрные, золотые, — заправленная в тёмные шаровары. Поверх — не то жилет, не то короткий кафтан из плотной ткани, расшитый узорами, которые ка-

зались знакомыми, как будто Миша видел их раньше на бабушкиных оберегах. На ногах — мягкие сапоги с загнутыми носами. Одежда выглядела дорогой, но старинной, словно её достали из сундука, который не открывали лет сто.

Но не одежда притягивала взгляд. Рыжие волосы — не просто рыжие, а огненно-медные, цвета осеннего клёна на закате, — спадали на плечи тяжёлыми кудрями. Среди них торчали два острых лисьих уха, покрытых такой же огненно-медной шерстью. Они слегка подрагивали, как будто прислушивались к чему-то за пределами комнаты. Сзади покачивался пушистый хвост с белым кончиком — плавно, гипнотически, словно маятник.

А глаза... Янтарные, светящиеся изнутри, с вертикальными зрачками — чёрными иглами в золотом поле. Они смотрели на мальчика с выражением, которое он не мог расшифровать: интерес, веселье, голод — всё сразу.

— Такой маленький, — продолжал гость, делая шаг от комода. Двигался он бесшумно, несмотря на сапоги. — А уже торгуется, как старый ростовщик с Арбата. Я впечатлён, правда впечатлён.

Миша сел в кровати. Бронхит мешал дышать глубоко, но он не собирался показывать слабость.

— Вы дух.

Это был не вопрос.

— О, ты даже знаешь, кто я. Вернее, что я. Всё интереснее и интереснее

Гость улыбнулся. Улыбка у него была лисья — в прямом смысле: тонкие губы растянулись, обнажая острые, чуть более длинные, чем у человека, клыки. Он склонил голову набок, и серьга в его левом ухе — серебряная, с крошечным янтарём — качнулась, поймав солнечный свет.

— Меня зовут Ждан. И да, я дух. Проводник, если быть точным. Но ты можешь звать меня просто...

Он сделал ещё один шаг и вдруг оказался у самой кровати — слишком быстро для человека, слишком плавно для животного. Присел на корточки, так что его лицо оказалось вровень с Мишиным. Пахнуло травами и дымом.

— ...твоим другом.

Мальчик не отшатнулся. Он смотрел в янтарные глаза и думал о том, что зрачки-иглы — это завораживающе. И что бабушка не предупреждала, что духи могут быть красивыми.

— Вы будете исполнять моё желание?

— Исполнять, — передразнил Ждан, и в его голосе послышалось мурлыканье. — Какое казённое слово. Как будто я почтальон или чиновник. Нет, Миша. Я не исполняю. Я заключаю сделки. А сделка — это искусство. Это танец. Это...

Дух наклонился ещё ближе, и его дыхание — тёплое, пахнущее мёдом и дымом, — коснулось мочки уха. Щекотнуло. Миша невольно повёл плечом, но не отодвинулся.

— удовольствие, — прошептал лис и — едва заметно — провёл кончиком носа по краю Мишиного уха, отчего тот замер.

Сердце стукнуло раз, другой — и снова выровнялось.

«Он просто проверяет» — подумал мальчик.

Но внутри разлилось что-то тёплое, совсем не похожее на страх.

Хвост Ждана скользнул по одеялу, и Михаил почувствовал, как мех касается его руки — мягкий, тёплый, живой.

— Твоя формулировка была восхитительна. При свидетелях... Ты знаешь, зачем это?

— Чтобы сделка была зафиксирована, — ответил Миша.

— Чтобы нельзя было отказаться.

Лис рассмеялся. Смех у него был переливчатый, как колокольчики на ветру, но под ним слышалось что-то другое — низкое, гортанное, почти звериное.

— О, да. Определённо да, — он хлопнул в ладоши. — Где твоя бабка нашла такого ученика? Впрочем, неважно. Ты назвал цену. Ты назвал свидетеля. Я принимаю сделку.

Он протянул руку. Пальцы его были длинные, бледные, с ухоженными ногтями, которые у самых кончиков чуть заострились, напоминая когти. На запястье поблёскивал браслет из кожаных шнурков с крошечными бусинами.

— Давай скрепим, — сказал Ждан. — По-взрослому.

Мальчик протянул руку. Дух взял её не сразу — дал Мише полсекунды подержать ладонь на весу, потом накрыл своими длинными пальцами. Когти чуть коснулись запястья, не царапая, — погладили. Взгляд упал на их руки: маленькая, бледная и большая, смуглая, с выступающими венами. Кон-

траст. Связь.

— Отлично, — мурлыкнул лис и сжал ладонь.

В тот же миг Михаил почувствовал, как что-то изменилось. Не боль — скорее лёгкость. Будто из груди вынули крошечный камешек, который он носил там всегда и не замечал. Камешек страха высоты. Он попробовал представить колесо обозрения — и не почувствовал ничего. Только пустоту на том месте, где раньше что-то сжималось.

— Вот и всё, — сказал Ждан, отпуская его руку. — Велосипед будет ждать тебя завтра у крыльца. Чёрный, с серебряными полосами, медным звонком и колёсами, которые никогда не спустят. Как заказывали, господин Леднёв.

Он отступил на шаг и церемонно поклонился — низко, театрально, взмахнув хвостом.

— А теперь, — он выпрямился, и его глаза блеснули, — мне пора. Но я приду снова. Ты интересный, Миша. Очень интересный. Таких, как ты, я не встречал уже... — он задумался, приложив когтистый палец к подбородку, — ...лет двести.

— Подождите...

Ждан замер у комода, почти слившись с тенями.

— Вы будете приходить каждый раз? — спросил мальчик. — Когда я захочу что-то... загадать?

Дух обернулся. Солнце за окном зашло за облако, и комната погрузилась в полумрак. В этом полумраке его глаза горели, как два янтарных угля.

— А ты хочешь, чтобы я приходил? — спросил он.

Миша задумался. По-настоящему задумался, как учил отец: взвесил все «за» и «против», оценил риски, продумал последствия. Лис не был похож на злого — скорее на опасного, но опасность, как говорил папа, это просто величина в уравнении. Если учесть опасность, её можно контролировать.

— Хочу. Вы полезный.

Ждан снова рассмеялся — тем же переливчатым, звериным смехом.

— Полезный! — он всплеснул руками. — Меня называли по-разному. Хитрым. Опасным. Прекрасным. Но полезным — никогда. Ты прелесть, Миша Леднёв. Ты просто прелесть.

Он шагнул в тень за комодом — и исчез. Только запах остался: мокрая шерсть, полевые травы, сладкий дым.

Миша смотрел в угол ещё минуту. Потом лёг обратно на подушку и закрыл глаза. Не боялся. Не радовался. Анализировал. Сделка прошла успешно. Цена была приемлемой. Дух оказался... интересным. Солнце за окном заволокло тучей. Тень скользнула по комнате. Стало тихо. Потом оно выглянуло снова — тусклее. Как будто мир тоже заключал сделку. Но мальчик, слишком увлечённый мыслями, ничего не заметил. Завтра у него будет велосипед. А послезавтра, возможно, он загадает что-нибудь ещё.

Утро началось с кашля — глубокого, раздражающего грудь. Бронхит никуда не делся.

Отец зашёл в комнату, когда мать меняла компресс. Высокий, в строгом костюме, с идеально завязанным галстуком — он даже в выходной выглядел так, будто сейчас пойдёт в суд. В руках он держал большую картонную коробку, перевязанную бечёвкой.

— Доброе утро, сын, — сказал он, ставя коробку на пол. — Как самочувствие?

— Лучше, — ответил Миша и закашлялся.

Отец нахмурился — на секунду, почти незаметно, — а потом его лицо разгладилось, стало каким-то отсутствующим, будто он вспомнил что-то важное и тут же забыл.

— Я тут подумал... — он потянул за бечёвку. — Ты уже большой. Илюша вон гоняет на велике, а ты всё пешком. Непорядок.

Мальчик молча наблюдал, как отец раскрывает коробку, и чувствовал странное покалывание в кончиках пальцев. Не удивление — он знал, что так будет. Но видеть, как реальность подстраивается под его желание, оказалось... волнительно.

Коробка раскрылась. Внутри, завернутый в промасленную бумагу, лежал велосипед. Чёрная рама с серебряными полосами. Медный звонок. Блестящие спицы.

— Нравится?

Миша провёл пальцами по рулю. Металл был прохладным, приятным на ощупь.

— Очень, — сказал он. — Спасибо, папа.

Отец улыбнулся — рассеянно, как будто не до конца понимал, зачем купил велосипед. Мать заглянула в комнату, увидела подарок и всплеснула руками:

— Саша, ты с ума сошёл? Он ещё болеет!

— Выздоровеет — покатается, — отец махнул рукой. — Пусть стоит. Мотивация.

И всё. Никто не спросил, откуда взялся велосипед. Никто не удивился. Реальность приняла подарок как должное, будто так и должно быть.

Михаил тронул медный звонок. Звук получился низким, долгим, как колокол на дальней церкви.

Вечером, когда жар спал, он лежал с открытыми глазами и слушал, как в коридоре тихо переговариваются родители. Бронхит опять напомнил о себе — кашель поднимался из груди сухим, лающим толчком.

— Тяжело, — прошептал в потолок.

И почувствовал, как край одеяла аккуратно поправляют. Ждан сидел на краю кровати — без обычной ленивой усмешки. Серьёзный, почти обеспокоенный. Его хвост лежал на одеяле, тёплый, как грелка.

— Бронхит — гадость, — сказал он тихо. — Я помню, как болел однажды. Тоже не мог дышать.

Мальчик повернул голову. Лис смотрел не на него — в окно, на темнеющее небо.

— И кто вас лечил?

Ждан усмехнулся краешком рта:

— Никто. Я сам выкарабкался. Думал, если умру — ничего не потеряю. А оказалось, терять есть что.

Он помолчал, потом легонько провёл кончиками пальцев по Мишиным волосам — почти по-человечески, как делала бабушка.

— Выкарабкивайся, Миша. Тебе есть что терять.

И исчез. А Миша лежал, прислушиваясь к теплу, которое осталось на макушке.

Когда солнце село, дом затих, родители ушли на кухню пить чай, а в комнату скользнула бабушка. Она закрыла дверь — плотно, до щелчка, — и села на край кровати. Сразу стало понятно: будет разговор.

Женщина долго молчала, разглядывая велосипед у стены. В её тёмных глазах отражался свет ночника — две крошечные искры, как угли в костре.

— Откуда он? — спросила она наконец.

— Папа подарил, — ответил Миша. — Утром.

— Папа — повторила бабушка.

Она взяла мальчика за подбородок — сухие, тёплые пальцы чуть дрожали — и посмотрела в глаза:

— Ты его видел.

Михаил не стал притворяться, что не понимает.

— Да.

— Какой?

Он задумался на секунду.

— Рыжий. С ушами. С хвостом, — он помолчал и доба-

вил: — Красивый.

Бабушка отпустила его лицо и перекрестилась — не по церковному, а как-то странно: слева направо и снизу вверх.

— Имя. Он назвал имя?

— Ждан.

В комнате стало слишком тихо. Женщина закрыла глаза и замерла, как статуя. Миша слышал только своё дыхание — хриплое, с присвистом, — и далёкое тиканье часов в коридоре.

— Ждан — бабушкин голос стал ниже, глуше. — Старый дух. Очень старый. Моя бабка его знала. И её бабка знала. Он приходит не просто так, Мишенька. Он всегда с расчётом. Всегда с длинным планом. Если он явился к тебе — значит, ты ему зачем-то нужен.

— Я ему интересен. Он сам сказал.

— Интересен, — бабушка покачала головой. — Это хуже всего. Интерес — не милость. Это охота, просто долгая.

Она встала и подошла к велосипеду. Провела рукой по раме, по серебряным полосам, по медному звонку. Пальцы у неё были узловатые, старческие, но двигались легко, как у пианистки.

— Ты заплатил. Я чувствую. Что ты отдал?

— Страх высоты.

Бабушка обернулась. В её глазах мелькнуло что-то похожее на ужас, но она быстро взяла себя в руки.

— Страх — это не просто чувство, Миша. Это защита.

Это часть тебя. Ты отдал кусочек своей души.

— Я получил велосипед.

— Ты получил вещь, — она вернулась к кровати и снова села. — А он получил тебя. Ты понимаешь разницу?

Мальчик задумался. По-настоящему задумался, как учил отец.

— Пока нет, — честно сказал он.

— Поймёшь, — бабушка вздохнула. — Когда-нибудь поймёшь. Но тогда может быть поздно.

— Что поздно?

— Я не знаю, — она встала и пошла к двери. — Никто не знает. Те, кто заключал с ним сделки, не рассказывали. Они просто... исчезали. Не телом — душой.

Она остановилась на пороге и обернулась. Лицо её было строгим, но в глазах стояла влага.

— Дай мне слово, Мишенька. Не зови его больше. Никогда. Слышишь?

Он посмотрел на бабушку. На велосипед. На угол комнаты, где тени всё ещё казались чуть более густыми, чем следовало.

— Я подумаю.

Женщина покачала головой и вышла, плотно закрыв за собой дверь. А Миша остался один. Почти один. В углу что-то шевельнулось, и ему послышалось тихое, довольное мурлыканье.

Он улыбнулся в темноту. Подумаешь, бабушкины страхи.

Она старая, она всего боится. А он — нет. Особенно теперь, когда знает, что можно исполнить любое желание.

В углу блеснули два янтарных огонька и погасли. Ждан был рядом. И это, как решил Миша, было хорошо. Очень хорошо.

Глава 2. Уроки и соблазны

Первый урок состоялся через три недели после велосипеда.

Миша к тому времени уже выучил его от и до. Чёрная рама блестела в утреннем солнце, серебряные полосы отливали лунным светом даже днём, а медный звонок издавал тот самый низкий, долгий звук, который вызывал у соседских мальчишек завистливое молчание. Никто не просил покататься, ведь было условие: «велосипед, который никто не может отобрать». И правда — никому даже в голову не приходило попросить.

Он катался один. Выздоровление затянулось: бронхит перешёл в затяжной кашель, который то отступал, то возвращался сырыми октябрьскими вечерами. Мать ворчала, поила тёплым молоком с мёдом, кутала в шарфы. Отец хмурился и говорил:

— Надо закаляться.

Бабушка молчала, но Михаил ловил её взгляды — длинные, изучающие, будто она пыталась разглядеть что-то под его кожей.

Ждан не приходил. Мальчик не звал — проверял, вернётся ли дух без приглашения. Ему казалось, что проверка важна: если лис явится сам, значит, интерес взаимный. А взаимный интерес, как говорил папа, это основа любых успешных

переговоров.

И Ждан явился. Это случилось в школе, на уроке математики. Миша сидел за третьей партой у окна и смотрел, как учитель — Виктор Петрович, сутулый мужчина с седыми усами и вечно испачканными мелом пальцами, — выводит на доске пример. Учитель нервничал. Это было заметно по тому, как он слишком сильно давил на мел, и тот крошился, осыпаясь белой пылью на пиджак.

— Итак, дети, — говорил Виктор Петрович, — кто скажет, как найти неизвестное слагаемое?

Класс молчал. Кто-то шуршал тетрадью, кто-то рисовал на полях. Михаил знал ответ, но не поднимал руку — не из скромности, а из расчёта. Папа учил: не показывай все карты сразу. Пусть другие сначала ошибутся.

И тут он почувствовал запах. Мокрая шерсть, полевые травы, сладкий дым.

— Смотри-и-и на него, — раздался знакомый тягучий голос над самым ухом. — Смотри внимательно.

Он не вздрогнул. Медленно повернул голову. Лис сидел на подоконнике, закинув ногу на ногу, и его хвост лениво свисал вниз, едва не касаясь пола. На нём был другой наряд — тёмно-синий кафтан с серебряным шитьём, похожий на те, что Миша видел в книжке с русскими сказками. Лисьи уши подрагивали, ловя звуки класса. Глаза-иглы смотрели на учителя с выражением ленивого, сытого интереса.

— Виктор Петрович хочет, — продолжал Ждан, и его го-

лос звучал так, будто он рассказывал анекдот, — чтобы его уважали. Очень хочет. Каждое утро он просыпается и мечтает: «Пусть дети слушают меня. Пусть они видят во мне наставника. Пусть я буду для них авторитетом». — он усмехнулся. — Но формулирует он это так: «Хочу, чтобы меня любили ученики». Чувствуешь разницу?

Мальчик кивнул — едва заметно, чтобы учитель не обратил внимания.

— Уважение и любовь — разные валюты, — дух наклонился к его уху, и от него повеяло теплом. — Уважение можно получить за знания. Любовь — за слабость. Он выбрал неверный запрос, и теперь вселенная даст ему то, что он попросил. Показную, фальшивую любовь. Дети будут улыбаться ему в лицо и рисовать карикатуры за спиной. А он будет страдать и не понимать, в чём ошибка.

Учитель в этот момент повернулся к классу. Девочка с первой парты — отличница Лена — подняла руку и ответила правильно. Мужчина расцвёл, начал хвалить её, но Миша заметил то, чего не видел раньше: фальшь в его улыбке. Натянутую, отчаянную радость человека, который пытается купить расположение.

— Вот так, — мурлыкнул лис. — Он получил свою порцию «любви». А теперь посмотри на Лену. Она ответила не потому, что ей интересно. Она ответила потому, что хочет одобрения. Ей не нужны знания. Ей нужно, чтобы её гладили по головке. И Виктор Петрович даст ей это — но ровно

до тех пор, пока она будет поднимать руку. Как только перестанет — станет ненужной, — он повернулся к Мише, и его янтарные глаза блеснули. — А теперь скажи мне: кто из них получит то, что хочет на самом деле?

Мальчик молчал обдумывая. Дух терпеливо ждал, но его пальцы — когтистые, длинные — вдруг сами собой потянулись к затылку мальчика и легонько поправили выбившуюся из-за уха прядь. Прикосновение было быстрым, почти невесомым. Михаил дёрнулся, но не резко — скорее удивлённо.

— Волосы путаются, — пояснил Ждан с лёгкой усмешкой. — Не люблю беспорядок.

Но в его глазах мелькнуло что-то иное. На мгновение зрачки расширились, как у хищника, почуявшего добычу.

— Никто, — ответил Миша одними губами.

— Именно, — лис просиял, как учитель, дождавшийся правильного ответа от любимого ученика. — Потому что оба неправильно сформулировали запрос. А ты... — он протянул руку и легко, почти невесомо провёл когтистыми пальцами по волосам Михаила, — ты бы сформулировал правильно. Я знаю.

Это прикосновение было странным. Не холодным и не горячим — скорее электрическим, как будто по волосам пробежали крошечные искры. Михаил почувствовал, как внутри разливается тепло. Не от гордости — от чего-то другого. От ощущения, что его видят. По-настоящему видят. Не как ребёнка, не как сына, не как ученика, — а как равного.

Урок закончился. Дети зашумели, собирая портфели. Виктор Петрович что-то говорил, но его уже никто не слушал. Ждан спрыгнул с подоконника — бесшумно, как и всегда, — и растворился в толпе учеников. Только запах остался: травы и дым.

И ещё кое-что. На полу, там, где только что стоял дух, блеснула крошечная жемчужина. Миша наклонился и поднял её. Она была тёплой и чуть пульсировала, как живая.

Мальчик поднял глаза. Ждан уже стоял в дверях — наполовину в тени, наполовину в свете. Их взгляды встретились. Ни слова. Но в янтарных глазах было что-то, чего Миша не видел раньше. Не голод. Не насмешка. А то, что много позже он назовёт «присматриванием». Лис смотрел так, будто запоминал каждую чётточку. На будущее.

— Что это? — прошептал он.

Ответа не было. Но он знал, что Ждан где-то рядом.

С этого дня уроки стали регулярными.

На следующий день в школе произошло событие, которое в иных обстоятельствах Михаил счёл бы достойным внимания. На большой перемене к нему подошёл парень с первого ряда — высокий, с нагловатым прищуром и вечно взлохмаченными волосами. Его звали Роман Горелов, и он был старостой класса, хотя к своим обязанностям относился с той же степенью серьёзности, с какой пёс относится к команде «сидеть».

— Леднёв, — сказал Горелов, вставая так, чтобы загоро-

дить проход к доске. — Ты вчера на математике сидел и лыбился в окно. Я видел. Прямо как ненормальный. С кем разговаривал?

Миша посмотрел на него с тем спокойным интересом, с каким смотрел бы на насекомое, которое пытается перегородить ему путь.

— Ни с кем.

— Ага, — Горелов хмыкнул и обернулся к своим приятелям, стоявшим у подоконника. — Слышали? Леднёв с духами разговаривает. Прямо как его бабка-колдунья.

Кто-то засмеялся. Михаил не ответил. Отец учил: на провокации отвечать только тогда, когда это выгодно. Сейчас выгоды не было.

— Иди, Горелов, — сказал он ровно. — Ты загораживаешь свет.

Он обошёл Рому, даже не повысив голоса. Сзади послышалось раздраженное фырканье, но больше Горелов ничего не сказал. Однако с того дня Миша заметил: Горелов теперь смотрит на него иначе. Не как на одноклассника, а как на загадку, которую хочется разгадать — или раздавить.

Ждан, сидевший на подоконнике и наблюдавший за сценой с ленивым интересом, прошептал:

— Этот мальчик будет тебя ненавидеть. Или завидовать. Скорее, и то и другое.

— Он никто, — ответил Миша одними губами.

— Пока да, — улыбнулся лис. — Но посмотрим.

Ждан появлялся не каждый день, но часто. Он приходил, когда мальчик оставался один: после школы, перед сном, иногда — ранним утром, когда родители ещё спали. Он садился на край кровати, или на стул у письменного стола, или просто устраивался на полу, скрестив ноги и обернувшись хвостом. И начинал говорить.

— Посмотри на вашу соседку, Марию Ивановну, — говорил он февральским вечером, когда за окном мело, а в комнате было тепло от батареи. Михаил делал домашнее задание, но слушал внимательно. — Она хочет, чтобы сын её навещал чаще. Но вместо того, чтобы сказать: «Я скучаю», она говорит: «Ты неблагодарный, ты забыл мать». И получает в ответ чувство вины, а не любовь. Глупо, правда?

— Глупо, — кивнул Миша, не отрываясь от конспекта.

— Она могла бы просто попросить, — Ждан пожал плечами. — Я бы помог. Но она не верит. Она думает, что просить — это слабость. Хотя слабость — это когда ты не умеешь договариваться.

Он рассказывал про учителей, про соседей, про родителей одноклассников. Про случайных прохожих, которых они встречали по дороге в школу. Про ведущего новостей, который вещал с экрана телевизора.

— Он хочет славы, — объяснял дух, указывая когтистым пальцем на экран. — Но формулирует как: «Хочу информировать людей». И вселенная даёт ему информационную программу в три часа ночи. Его никто не смотрит, но формально

желание исполнено. — Лис усмехнулся. — Точность формулировок, Миша. В этом весь секрет. Смотри сюда

Ждан присел на корточки и указал на мальчика, сидевшего на лавочке у подъезда. Тот был примерно ровесником Михаила, но выглядел старше — чёрные круги под глазами, осунувшееся лицо. Он смотрел в одну точку и не мигал.

— Это Саша. Два месяца назад он загадал желание: «Хочу стать самым популярным в школе». Без уточнений. Просто так.

— И что?

— Я исполнил, — Ждан улыбнулся. — Через неделю все мальчишки хотели с ним дружить, все девчонки — встречаться. Его приглашали на каждую вечеринку, звали в гости, писали в социальных сетях. Он был звездой.

— А потом?

— А потом он поссорился с лучшим другом. Сказал что-то грубое, друг обиделся и перестал с ним общаться. Но Саша был популярен — ему казалось, что не страшно. Он найдёт новых друзей. Только вот... — лис сделал паузу. — Он не уточнил, какую популярность хочет. Кратковременную или долгую. Настоящую или показную. И вселенная дала ему ту, которая была легче. Вспышку. Как бенгальский огонь — ярко, красиво и быстро.

Михаил смотрел на мальчика. Тот сидел на лавочке, глядя в одну точку.

Ждан встал, отряхнул кафтан и посмотрел на Мишу свер-

ху вниз:

— Запомни. Хочешь любви — проси любви. Хочешь уважения — проси уважения. Не прячь одно за другим. И всегда — всегда — прописывай сроки.

Миша хотел спросить еще о чём-то, но в этот момент за спиной раздался голос, который он узнал бы из тысячи:

— Леднёв! Ты чего тут расселся? Там доску почёта вывесили. Твоя фотка опять на ней. Поздравляю, Леднёв. Ты, наверное, уже и не помнишь, что такое проигрывать.

Он обернулся. Позади стоял Роман Горелов и смотрел на Мишу с выражением, которое трудно было назвать иначе, чем «глухая злоба». Рядом с ним топтались двое приятелей — такие же, как он, вечно недовольные чужим успехом.

— Я не просил вешать мою фотографию. Мне это не нужно.

— Ага, — Горелов шагнул ближе, — «не нужно». Ты просто хочешь, чтобы все думали, что ты гений. Что тебе пятёрки сами в карман падают. Что ты такой особенный.

— Они не падают в карман, Горелов, — мальчик отвечал спокойно. — Просто я умею формулировать свои желания.

— Что? — староста нахмурился, не поняв шутку. — Ты чего, с дуба рухнул? Какие желания?

Михаил улыбнулся — одними уголками губ, как учил его Ждан, когда нужно было выглядеть загадочным.

— Не обращай внимания. Но, если будешь завидовать, — у тебя никогда ничего не получится.

Он встал с лавочки и пошёл к школе, оставив Рому стоять с перекошенным лицом. Сзади послышалось раздражённое шипение, но Миша не обернулся. Лис бесшумно возник рядом и прошептал на ухо:

— Ты его провоцируешь. Это неразумно.

— Он провоцирует меня. Я просто отвечаю.

— Он — маленький человек, который хочет быть большим. Он будет ненавидеть тебя ещё сильнее. Но ты прав: он не опасен. Пока не опасен.

— Я запомню, — сказал мальчик.

— Запомни, — Ждан усмехнулся. — Такие, как он, всегда ждут своего часа. И когда ты споткнёшься, он будет рядом.

Миша помолчал, потом решил вернуться к старому разговору:

— А вы? Вы зачем мне помогаете? Не учите, а именно... помогаете. Раньше я думал, вам просто нужны жемчужины. Но вы тратите на меня столько времени. Больше, чем нужно для сделки.

Ждан замер. Его хвост перестал качаться. В янтарных глазах мелькнуло что-то — не насмешка, не голод. Растерянность.

— Хороший вопрос, — сказал он наконец. — Я бы хотел ответить, что ты — ценный актив. Что я вкладываюсь в долгосрочный проект... — он помолчал. — Но это было бы неправдой.

Лис вдруг легко щёлкнул мальчика по носу.

— Ты мне просто нравишься, понял? Не как добыча. Как... собеседник. Ты единственный за триста лет, кто задаёт вопросы, на которые у меня нет ответов.

— А раньше никто не задавал?

— Раньше, — дух криво усмехнулся и быстро закатал рукава. — Иди делай уроки. Разговорчики в сторону.

И исчез.

Иногда Ждан поправлял мальчика.

— В прошлый раз ты сказал: «Хочу сдать контрольную». Это плохая формулировка.

— Почему? — Миша нахмурился. — Я сдал. На пятёрку.

— Ты сдал. Но какой ценой? Ты попросил сдать, не уточнив как. Я мог сделать так, что ты сдал бы её с пересдачей, с нервным срывом, с температурой под сорок. Ты дал мне карт-бланш, Миша. А я мог бы воспользоваться.

— Но вы не воспользовались.

— Потому что ты мне нравишься, — Ждан улыбнулся, и его клыки блеснули в свете настольной лампы. — Но не все духи такие добрые, как я. Будь точнее. Всегда. Представь, что ты составляешь договор. Прописывай сроки, условия, форс-мажоры. Понимаешь?

— Понимаю.

И он действительно понимал. Ему нравилось это: находить лазейки в формулировках, предвидеть лазейки, как говорил папа, просчитывать риски. Это было похоже на игру. На шахматы, где доска — весь мир, а фигуры — люди, ко-

которые даже не подозревают, что ими ходят.

Шли годы. Михаил рос, и вместе с ним росло его мастерство. К двенадцати годам он уже не просто загадывал желания — он составлял полноценные «договоры», иногда записывая их в отдельную тетрадь, которую прятал под половицей. Тетрадь была в клетку, как для математики, но вместо примеров там были пункты:

1. Предмет желания: победа в городской олимпиаде по русскому языку.
2. Срок исполнения: 15 марта текущего года.
3. Условия: первое место, без апелляций, без обвинений в списывании.
4. Цена: способность чувствовать вкус сладкого в течение трёх месяцев.
5. Особые отметки: цена не распространяется на горькое, солёное и кислое.

Он стал есть меньше конфет — ну и что? Зато его фотография висела в школьном коридоре, а отец впервые сказал: «Я горжусь тобой». И не потому, что его заставили, а потому, что действительно гордился. Ждан тогда мурлыкнул:

— Видишь? Работает.

К четырнадцати годам Миша научился распознавать чужие желания без подсказок. Он смотрел на одноклассников и видел их насквозь: кто хочет популярности, но боится насмешек; кто хочет любви, но не готов отдавать; кто хочет таланта, но ленится работать. Они все ошибались в формули-

ровках. Они все заключали плохие сделки с жизнью.

— Ты особенный, — говорил лис. Он теперь часто сидел на подоконнике в Мишиной комнате, обвив хвостом колени. Рыжие кудри стали чуть длиннее. — Ты видишь систему. А система — это всё.

В один из вечеров, когда Мише было уже пятнадцать и он готовился к экзаменам, Ждан появился с бутылкой чего-то тёмного в руках.

— Это что? — спросил юноша, отрываясь от учебника.

— Медовуха, — Ждан поставил бутылку на стол. — Старый рецепт. Хочешь попробовать?

— Мне нельзя. Я несовершеннолетний.

— Ой, брось. Ты уже давно не ребёнок, Миша. Ты заключаешь сделки, от которых взрослые дяди поседели бы за одну ночь. Какая разница, сколько тебе лет по паспорту?

Он налил густую, пахнущую мёдом и пряностями жидкость в две глиняные кружки, которые достал откуда-то из складок своего кафтана. Миша взял кружку, понюхал. Пахло летом, травами.

— За тебя, — сказал лис и поднял свою кружку. — За лучшего ученика. За самого точного формулировщика желаний к востоку от Урала. За будущего великого...

— Юриста?

— Я хотел сказать «хитреца», — Ждан рассмеялся. — Но юриста тоже можно. Это почти одно и то же.

Они выпили. Медовуха оказалась сладкой, обжигающей,

с долгим пряным послевкусием. Михаил почувствовал, как тепло разливается по телу. Дух смотрел на него поверх своей кружки, и в янтарных глазах плясали золотые искры. Он поставил кружку и подался вперёд:

— Скажи, Миша, ты никогда не думал о том, чтобы пойти дальше?

— В каком смысле?

— Все эти желания, — Ждан обвёл рукой комнату, окно, мир за окном, — это только начало. Ты используешь правила, но не создаёшь их. Ты клиент, а не партнёр. А что, если я скажу тебе, что можно стать кем-то большим?

Парень помолчал. Он уже давно понял, что Ждан не просто так его обучает. Лис что-то задумал — что-то долгое, большое, растянутое на годы. Но, пока это было выгодно, Михаил не возражал.

— Вы хотите, чтобы я стал... как вы? — спросил он.

— Не как я, — Ждан покачал головой. — Со мной. Рядом. Понимаешь?

— Не до конца.

— Поймёшь, — он улыбнулся своей привычной улыбкой. — Когда придёт время. А пока — учись. Смотри. Слушай. Ты на правильном пути.

Он встал, одёрнул кафтан и направился к двери — хотя обычно исчезал прямо в комнате. На пороге обернулся.

— Скоро у тебя будет возможность проверить свои навыки. Настоящая проверка. Будь готов.

— К чему?

Но Ждан уже ушёл. Только запах остался — мёд, пряности и дым.

Бабушка старела. Миша замечал это не сразу, но к его шестнадцати годам она уже не могла подниматься по лестнице без одышки. Её руки, когда-то сильные и ловкие, теперь дрожали, когда она перебирала травы. Но глаза оставались прежними — тёмными, глубокими, видящими.

Она больше не спрашивала о Ждане. Она знала, что дух приходит. Миша видел, как она задерживается у его двери по вечерам, прислушивается, иногда шепчет что-то — не молитву, а что-то более древнее, слова, которых он не понимал.

Однажды, когда родители уехали на выходные, бабушка позвала его к себе в комнату. Там пахло сушёными травами, воском и ещё чем-то — горьким, как полынь. На столе лежали обереги, которые она плела: нити, бусины, птичьи перья, крошечные косточки.

— Сядь, — сказала женщина.

Он сел. Бабушка долго смотрела на него, потом взяла его ладони в свои и перевернула.

— Линии судьбы меняются, — сказала она тихо. — Я слежу за твоими руками с детства. Вот эта линия, — она провела пальцем по его ладони, — линия жизни. Она всегда была длинной. Но теперь она... уходит. Будто кто-то стирает её.

— Бабушка...

— Молчи, — перебила она. — Я знаю, что ты не оста-

новишься. Ты никогда не останавливался. Ты всегда хотел большего, чем тебе давали. Это семейное, это от нас. Но я хочу, чтобы ты знал: дух не просто исполняет желания. Он коллекционирует. Каждая сделка — это бусина на его нити. Каждая твоя потеря — его приобретение. Когда нить станет полной...

— Что тогда?

— Не знаю, — бабушка отпустила его руки. — Никто не знает. Те, у кого нить заполнялась до конца, исчезали. Я слышала истории. Моя прабабка Агафья тоже с ним зналась. Всю жизнь. А потом — пропала. Просто однажды не проснулась. И тело было, а души — нет. Пустое.

Она подняла на него глаза.

— Ты ещё можешь остановиться. Ты молодой. У тебя есть время. Но с каждым разом цена растёт. Сначала ты отдал страх. Что дальше? Вкус? Память? Способность любить?

— Я контролирую процесс, — сказал Михаил. — Я всё записываю. Я знаю, что отдаю.

— Ты знаешь, что отдаёшь сейчас, — женщина покачала головой. — Но ты не знаешь, что он заберёт потом.

Она замолчала. За окном темнело. Тени в углах комнаты сгущались, и Мише показалось, что одна из них шевельнулась. Но он не испугался. Он уже давно не боялся.

— Я учту, — сказал он и встал. — Спасибо за предупреждение.

Бабушка ничего не ответила. Она смотрела ему вслед, и в

её глазах стояла та самая влага, которую он видел девять лет назад, — когда она впервые спросила про духа.

В университет Михаил поступил легко. Без желаний, без сделок — просто потому, что был умён. Отец сиял: сын-юрист, продолжатель династии, будущий партнёр в адвокатской конторе. Мать плакала от гордости. Бабушка молчала.

Ждан появился в общежитии на второй день после заселения. Миша как раз разбирал чемодан, когда почувствовал знакомый запах.

— Студенческая жи-и-изнь, — протянул лис, появляясь из тени за шкафом. На нём был новый наряд — тёмно-зелёный кафтан с золотым шитьём, напоминающий охотничий костюм девятнадцатого века. — Общага, романтика, дешёвое пиво. И столько интересных людей вокруг.

— Вы про студентов? — парень усмехнулся.

— Про них, — Ждан сел на подоконник, оббив хвостом колено. — Посмотри на них, Миша. Они все чего-то хотят. Славы, денег, любви, власти. И никто — слышишь, никто — не умеет просить правильно. Это же готовый рынок. Нереализованные желания на каждом шагу.

Он помолчал и добавил:

— Ты мог бы стать для них... проводником.

— Я — не вы. Я человек.

— Пока что, — улыбнулся дух.

Михаил не стал уточнять. Он уже привык к этим полунамекам. Вместо этого он сел на кровать и посмотрел на Лиса.

— Вы обещали проверку. Девять лет назад.

— О, — Ждан оживился. — Ты помнишь.

— Я всё помню. Что за проверка?

Лис спрыгнул с подоконника и подошёл ближе. Его янтарные глаза горели в полумраке комнаты.

— У тебя будет однокурсник, — сказал он. — Илья. Хороший парень. Добрый, честный. Из тех, кто никогда не заключает сделок — ни с духами, ни с людьми. Он будет твоим другом.

— И в чём проверка?

— В том, — Ждан наклонился к самому его уху, — что ты выберешь: настоящую дружбу или настоящую силу. Потому что и то, и другое одновременно не бывает. Я тебе обещаю.

Он выпрямился и направился к двери — настоящей, человеческой двери, не к тени.

— Спокойной ночи, Миша. Приятных снов.

— Подождите. А если я выберу дружбу?

Лис обернулся. Его лицо было непроницаемым — впервые за все годы.

— Тогда я исчезну, — сказал он просто. — Сделки аннулируются. Всё вернётся: страх высоты, вкус сладкого, всё остальное. Ты станешь обычным человеком. Хорошим человеком, может быть. Но обычным. А если выберешь силу... что ж. Тогда начнётся настоящая работа.

Дверь закрылась. Миша остался один. Он лёг на кровать и уставился в потолок — совсем как в детстве, когда рассмат-

ривал трещину над кроватью. Только теперь трещины не было. И выбор был за ним.

Где-то далеко, в старой квартире, пахнувшей травами и воском, бабушка зажгла свечу и прошептала в темноту:

— Береги его. Если можешь — защити. Если не можешь — хотя бы не дай ему пропасть.

Свеча дрогнула. Тени в углах шевельнулись. Ответа не было.

Глава 3. Отсечение привязанностей

Илья появился на втором курсе.

До этого Михаил не замечал его — просто ещё одно лицо в лекционном потоке, один из ста пятидесяти студентов, которые сливались в серую, безликую массу. Они учились вместе целый год: сидели в одной аудитории, сдавали одни и те же экзамены, пили один и тот же растворимый кофе в буфете на первом этаже. Но Михаил не выделял его из толпы. Зачем? Илья был обычным. Таким же обычным, как все остальные.

Если бы Миша захотел вспомнить тех, кого он действительно замечал в этой серой массе, он бы вспомнил другое лицо — знакомое до зубного скрежета. Роман Горелов поступил на тот же факультет, и это было не случайностью. Горелов всегда был где-то рядом, как назойливый звук, который не замечаешь, пока он не стихнет. Юридический он выбрал, вероятно, потому, что хотел доказать миру свою значимость. Или потому, что Михаил выбрал его первым. Он не знал точно, да и не хотел знать.

Они пересекались в коридорах. Однокурсник иногда бросал взгляды исподлобья, но старался не лезть. Горелов был не врагом, а скорее досадной помехой вроде мухи, которая жужжит над ухом, но не кусает. Михаил не обращал на неё внимания. Однако в глубине души он знал: муха может уку-

силь, если её долго не замечать.

Всё изменилось в октябре. Была суббота, и Миша сидел в библиотеке — огромном зале с высокими потолками и запахом старой бумаги, который он любил с детства. Он готовился к семинару по римскому праву, обложившись учебниками и ксерокопиями, когда заметил, что кто-то стоит над его столом.

— Привет, — сказал Илья. — Ты Леднёв, да? Можно я сяду? Там больше нет мест.

Парень поднял голову. Перед ним стоял молодой человек его возраста — светлые волосы, серые глаза, открытое лицо с широкими скулами и лёгкой, чуть смущённой улыбкой. Он был в старом свитере с протёртыми локтями и держал в руках потрёпанный учебник по гражданскому праву. Ничего примечательного. Ничего особенного.

— Садись.

Илья опустился на стул, и тот жалобно скрипнул под его весом. Михаил поморщился — звук резанул по тишине читального зала.

— Извини, — шепнул Илья и пересел на другой стул. Тот молчал.

— Ты всегда такой осторожный?

— Только когда рядом тот, кто может меня выгнать.

Илья улыбнулся — и Миша заметил, что у того на правой щеке ямочка, которую не видно, когда он серьёзен.

— Слушай, — сказал юноша, — а ты не хочешь как-ни-

будь... ну, вместе позаниматься? Ты вон как здорово разбираешься. А я вечно путаюсь в этих сервитутах и узуфруктах.

Он говорил искренне. Без зависти, без лести, без скрытого расчёта. Просто предлагал. Миша, привыкший за годы чувствовать в людях подвох, не нашёл его. И от этого стало странно.

— Давай, — сказал он, сам не зная зачем. — В четверг. Парень просиял.

Они начали заниматься вместе. Сначала раз в неделю, потом чаще. Илья оказался не таким уж посредственным — он просто не умел зубрить, но схватывал суть на лету. Ему нужно было объяснить один раз, и он понимал. Он задавал глупые вопросы, потом смеялся над ними, и его смех был заразительным.

Они стали сидеть рядом на лекциях. Потом — ходить вместе в столовую. Потом — гулять после пар по набережной, обсуждая преподавателей, однокурсников, будущее.

Однажды они задержались в библиотеке до закрытия. Шторы уже задёрнули, охранник кашлянул в дверях. Илья собирал вещи, но всё никак не мог найти ручку.

— Да чёрт, опять потерял.

Миша молча протянул свою — новую, гелевую, с золотистым колпачком.

— Ты серьёзно? Я такие теряю через день.

— Тогда будешь аккуратнее.

Илья взял ручку, взвесил на ладони.

— Слушай... ты вообще замечаешь, что я грызу колпачки?

— Замечаю. Это негигиенично.

— А ты замечаешь, что, когда думаешь, трёшь большой палец указательным?

Михаил дёрнул рукой и спрятал её под стол.

— Заметил, — тихо сказал Илья. — Но это не страшно. Это даже... мило.

Они вышли из библиотеки в холодный октябрьский вечер. Миша смотрел, как однокурсник на ходу застёгивает куртку, и думал: «Он единственный, кто это заметил. И не посмеялся». Он с удивлением обнаружил, что ему... нравится.

Не в том смысле, в каком ему нравились сделки с Жданом. Там было другое: азарт, расчёт, холодное удовлетворение от правильно составленного договора. А с Ильёй было тепло. Просто тепло, без условий. Они говорили о ерунде — о фильмах, о музыке, о том, как Илья однажды пытался приготовить борщ и спалил кастрюлю. Миша смеялся. По-настоящему, а не из вежливости. Он не помнил, когда смеялся так в последний раз.

Они говорили и о серьёзном.

— У меня такое чувство, будто ты всё время что-то прощитываешь, — сказал как-то Илья.

Они сидели в парке, октябрьский ветер гнал по дорожкам жёлтые листья.

— Я не в плохом смысле. Просто... ты иногда смотришь

на людей, как на уравнения.

— А это плохо?

— Не знаю, — парень пожал плечами. — Просто люди — это не уравнения. Их нельзя решить. Их можно только... принять, что ли.

Миша задумался над этими словами. Принять. Странное слово. Он привык не принимать, а манипулировать, считать. Но с Ильёй никаких расчётов не требовалось.

Однажды он пригласил к себе домой — в маленькую квартиру на окраине, где жил с матерью и младшей сестрой. Мать, усталая женщина с добрыми глазами, накормила их пирогом. Сестра, смешная девочка лет десяти, показывала свои рисунки. В квартире было тесно, пахло выпечкой и старыми обоями, но Михаил чувствовал себя там лучше, чем в собственной идеально чистой, дорого обставленной квартире, где он жил один.

— У тебя классная семья, — сказал Миша, когда они сидели на кухне и пили чай.

— Обычная, — Илья пожал плечами. — А у тебя какие родители?

— Хорошие. Отец — адвокат. Мама — переводчик. Они меня... обеспечивали.

— Обеспечивали... Ты говоришь так, будто это всё.

Михаил не ответил. Он вдруг понял, что не знает, как говорить о родителях иначе. Они действительно обеспечивали. Давали деньги, покупали вещи, оплачивали репетиторов.

Но сидели ли они с ним на кухне, пили ли чай с пирогами, говорили ли о ерунде? Он не мог вспомнить.

Вечером, когда Миша вернулся домой, лис уже ждал его. Он сидел в кресле у окна, закинув ногу на ногу, и перебирал свои бусы. На нём был бордовый кафтан с чёрной вышивкой по вороту — мрачный, торжественный, как одеяние священника на отпевании. Хвост лениво свешивался с подлокотника, кончик чуть подрагивал. Лисьи уши были прижаты — не агрессивно, но настороженно.

— Хороший вечер? — спросил он.

Голос звучал ровно, но парень уловил в нём новую ноту. Ревность? Нет. Скорее... собственничество.

— Хороший, — ответил Миша, снимая куртку. — А вы что, следили?

— Я всегда слежу, Миша, — Ждан улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. — Это моя работа. Илья славный. Правда славный. Тёплый. Как домашний хлеб.

— Я просил не трогать его.

— Я не трогаю, — лис развёл руками. — Я просто смотрю. И жду.

— Чего?

— Когда ты сам поймёшь, — он подался вперёд, и янтарные глаза блеснули, — что эта дружба ничего тебе не даёт. Ты тратишь время на разговоры о бесполезных вещах. Ты стал смеяться над глупыми шутками. А что ты имеешь от этого? Какой результат ты хочешь получить? Где рост?

Михаил промолчал. Он знал, что Ждан провоцирует. Но в его словах была доля правды, которую Михаил не хотел признавать.

— Я не собираюсь отказываться от Ильи, — сказал он наконец.

— Конечно. Конечно, не собираешься. Я и не прошу.

Дух встал, подошёл к Мише и положил руку ему на плечо — легко, почти ласково.

— Я просто напоминаю, что у тебя есть цель. Большая цель. А большие цели требуют... жертв. Не сейчас. Не завтра. Но когда-нибудь ты поймёшь.

Он растворился в воздухе, оставляя тепло прикосновения на плече.

Парень остался один. Он стоял посреди комнаты и чувствовал, как внутри борются два желания: сохранить тепло, которое давал ему Илья, и не потерять силу, которую давал ему Ждан. Он ещё не знал, что выбор уже сделан за него.

Три месяца лис не появлялся. Это было странно. За все годы он не исчезал так надолго. Михаил ловил себя на том, что ждёт его — по привычке, по вечерам, когда тени в углах сгущались, а воздух оставался пресным, без привычного запаха трав и дыма. Он даже начинал беспокоиться — но недолго. У него был Илья. У него была учёба. У него была жизнь, которая вдруг стала наполненной и тёплой.

Зима в тот год выдалась снежной. Друзья гуляли по заснеженному парку, ходили в кино, готовились к сессии. Илья

познакомил Мишу со своей компанией — такими же простыми, смешливыми ребятами, которые не знали ни о духах, ни о сделках, ни о цене желаний. Они просто жили. И Миша, к своему удивлению, жил вместе с ними. Он почти забыл о Ждане. Почти.

А потом началась сессия. Первый экзамен — гражданское право — должен был принимать профессор Кречетов, старый, жёлчный, принципиальный. О нём ходили легенды: говорили, что он заваливает каждого третьего просто потому, что ему скучно. Студенты боялись его до дрожи. Михаил готовился две недели, но чем ближе был экзамен, тем яснее он понимал: знаний не хватит. Кречетов любил задавать вопросы на стыке тем, ловил на неточностях, требовал идеального знания кодекса.

За два дня до экзамена парень сорвался. Он сидел в своей комнате, глядя на стопку учебников, и чувствовал, как внутри поднимается знакомая холодная паника. Он не мог провалить. Не этот экзамен. Не перед отцом, который звонил каждый вечер и спрашивал об успеваемости. Не перед собой.

— Ждан, — прошептал он в темноту. — Ты здесь?

Тишина. Потом — запах. Знакомый до дрожи.

— Соскучился? — раздался мурлыкающий голос из угла.

Михаил обернулся. Ждан стоял у книжного шкафа, одетый в серебристо-серый кафтан с меховой оторочкой по вороту — зимний, должно быть, хотя духу не нужна была тёплая одежда. Его глаза горели ярче обычного.

— Мне нужно сдать экзамен. Гражданское право. Кречетов. Вы знаете.

— Знаю, — кивнул лис, подошёл ближе, и его хвост скользнул по корешкам книг. — Старый зануда. Любит мучить студентов. Хочет, чтобы его боялись, а формулирует как: «Хочу, чтобы уважали науку». Типичная ошибка.

— Я хочу сдать на отлично. Без подготовки. Чтобы он сам ответил на мои вопросы и остался доволен. Цена — как обычно. Что-нибудь из чувств. Или здоровья.

Ждан посмотрел на него долгим взглядом. Что-то в этом взгляде изменилось за три месяца — Миша заметил, но не понял, что именно.

— Хорошо, — сказал дух. — Я принимаю сделку. Но цену назначу сам.

— То есть как?

— Раньше ты предлагал цену, я соглашался, — Ждан пожал плечами, и серебро на его кафтане блеснуло. — Теперь ты вырос, Миша. Твои желания стали сложнее. Значит, и цена должна быть равной. Не беспокойся, я не возьму лишнего. Просто... доверься мне.

Парень колебался. Это было новое правило, и оно ему не нравилось. Одно дело — самому выбирать, что отдавать. Другое — позволить духу решать за тебя. Но времени на споры не было. Экзамен послезавтра. Отец ждёт отличных оценок. А Илья... Илья не поможет — он сам трясётся перед Кречетовым.

— Хорошо. Я согласен.

Лис улыбнулся — на этот раз по-настоящему, широко, обнажая все свои острые клыки. Он взял Мишину руку в свою и сжал — мягко, но Миша почувствовал, как когти чуть царапнули кожу.

— Сделка заключена. Цена будет списана завтра утром. Не волнуйся, ты даже не заметишь.

Он отпустил руку и отступил в тень. Запах дыма растаял. Михаил остался один. На душе было беспокойно. Он впервые не знал, чем заплатит. Но страх перед Кречетовым перевешивал.

Утром проснулся с чувством, что чего-то не хватает. Не физически — физически он был в порядке. Бронхит, который мучил его всю осень, даже отступил. Но внутри, где-то глубоко, образовалась пустота. Как будто из памяти вынули страницу, а на её месте остался белый лист.

Миша попытался вспомнить, о чём они с Ильёй говорили вчера вечером, — и не смог. Вроде бы что-то важное? Илья что-то рассказывал о сестре. Или о матери? Нет, не вспомнить.

Он набрал номер. Трубку взяли после второго гудка.

— Привет.

Голос Ильи был странный — напряжённый, будто он ждал удара.

— Слушай... мы вчера говорили о чём-то важном? Я не могу вспомнить.

Пауза. Михаил услышал, как друг выдохнул — не вздох, а именно выдох, короткий, сдавленный.

— О маме, — сказал тот. — О больнице. Ты обещал помочь.

Миша закрыл глаза. Внутри — пустота, но на языке — металлический привкус. Как будто он прикусил щёку и не заметил.

— Я... Прости, я правда не помню.

— Не помнишь, — повторил Илья, и в его голосе что-то сломалось. — Мы проговорили час, Миша. Час. Ты смотрел мне в глаза. Ты сказал, что твой отец... Ладно. Не важно.

— Я поговорю с отцом. Сегодня же.

— Да нет, не надо уже. Я сам разберусь.

В трубке повисла тишина. Он чувствовал, как между ними вырастает стена — невидимая, но ощутимая. Слова не шли.

— Ладно, до встречи, — отрезал Илья и повесил трубку.

Михаил хотел сказать что-то ещё, но трубка уже захрипела короткими гудками. Он опустил руку и посмотрел на свои пальцы. Они дрожали.

«Почему, — подумал он, — почему я не чувствую вины, но дрожу?»

Он сидел на кровати и смотрел на телефон. Ценой, которую назначил Ждан, был разговор. Важный разговор, один из тех, на которых строится дружба. Дух забрал его.

Ждан появился вечером. Он материализовался из тени за

шкафом, и на его ладони лежала новая жемчужина — крупнее предыдущих, с чуть розоватым отливом.

— Красивая, правда? — сказал он, подбрасывая бусину в воздух и ловя её. — Твой разговор с Ильёй. Очень ценный. Очень... тёплый.

— Вы забрали мои воспоминания.

— Я забрал плату за сделку, — поправил Ждан. — Ты хотел сдать экзамен без подготовки — я сделал так, что Кречетов будет спрашивать ровно то, что ты знаешь. Ты не готовился, но ты ведь кое-что помнишь? Вот об этом он и спросит. А ценой стал разговор. Не самый важный в твоей жизни. Подумаешь, мама Ильи болеет. Она всё равно не твоя мама.

— Вы не имели права. Я бы никогда...

— Ты согласился, — лис перестал улыбаться, в его голосе зазвенел металл. — Ты сказал: «Я согласен». Ты позволил мне назначить цену. Ты доверился мне, Миша. А доверие — это когда ты не проверяешь, что у тебя забрали. Ты просто... принимаешь.

Он подошёл ближе и положил руку на Мишину голову — как в детстве, когда хвалил за правильно составленное желание. Когти легко коснулись волос.

— Не расстраивайся, — сказал он мягче. — Илья всё равно не навсегда. Люди уходят, Миша. Это закон. Они уходят, потому что они слабые, или скучные, или просто не твоего уровня. А я... — он наклонился и прошептал в самое ухо: — Я остаюсь. Я всегда буду рядом. Я единственный, кто тебя

по-настоящему понимает.

Парень закрыл глаза. Ему хотелось возразить, но слова застревали в горле. В конце концов, Ждан был прав в одном: он сам согласился. Он не уточнил цену. Он нарушил собственное правило — всегда проверять формулировки. Это был урок. Жестокий, но урок.

— Больше так не делайте.

— Конечно, — мурлыкнул лис. — Конечно, Миша. Как скажешь.

Но в его глазах плясали золотые искры, и Миша знал: он сделает это снова. И снова. И снова.

Экзамен был сдан. Кречетов, против обыкновения, был почти любезен: задал ровно те вопросы, на которые Михаил знал ответы, не цеплялся к мелочам, поставил «отлично» без лишних слов. Илья, сидевший через две парты, смотрел на друга с удивлением и чем-то ещё — чем-то похожим на обиду.

После экзамена они не пошли вместе в столовую. Илья сказал, что торопится домой. Миша не стал настаивать.

Следующая неделя прошла в холоде. Нет, они не поссорились — внешне всё оставалось по-прежнему. Они здоровались, сидели рядом на лекциях, даже обменивались шутками иногда. Но исчезло то самое тепло. Исчезли разговоры по душам. Исчезли долгие прогулки по набережной. Илья больше не рассказывал о матери, о сестре, о своих страхах и мечтах. Он стал вежливым, корректным — и далёким.

Михаил пытался вернуть прежнее. Он приглашал друга в кино, предлагал вместе готовиться к следующему экзамену. Тот соглашался, но приходил с опозданием, уходил раньше, а во время встреч сидел, уткнувшись в учебник, и отвечал односложно.

— Ты на меня обиделся? — спросил Миша однажды.

— Нет, — Илья пожал плечами. — Просто... ты изменился. Ты стал какой-то... не здесь.

— В смысле?

— Ты смотришь на меня, как на незнакомца. Будто не помнишь, кто я такой. И это... обидно, знаешь. Я рассказываю тебе о важном, а ты забываешь. Я прошу помощи, а ты не помнишь. Ты вообще помнишь, о чём мы говорили в последний месяц?

Миша хотел ответить «да», но понял, что не может. Он действительно не помнил. Какие-то обрывки, неясные образы, но ничего конкретного. Он помнил, как смеялся с Ильёй над глупой шуткой, но не помнил, над какой именно. Помнил, как тот рассказывал о сестре, но не помнил, что именно рассказывал. Помнил, как мать Ильи пекла пироги, но не помнил их вкуса.

— Я много работаю, — сказал он. — Устаю.

— Дело не в усталости. Дело в том, что тебе неинтересно. Ты слушаешь, но не слышишь. Ты здесь, но тебя нет. Я не знаю, что с тобой происходит, Миха. Но мне это не нравится. Парень встал и собрал вещи.

— Давай сделаем паузу, — сказал он. — У тебя свои дела, у меня свои. Если захочешь поговорить — я здесь. Но искать тебя я больше не буду.

Илья вышел, и дверь аудитории закрылась с глухим стуком.

Михаил остался сидеть. В груди — точка, которую зажгла бабушка, — пульсировала ровно, как метроном.

Он вдруг понял, что не помнит запах Ильи. Тот запах — дешёвый шампунь, старый свитер, иногда — ваниль от маминых пирогов. Ждан пахнет дымом и травами, и этот запах въелся в память. А Илья... он пах просто. По-человечески. И этот простой запах терялся.

Миша сжал кулаки и прошептал:

— Не хочу терять.

Но было поздно.

Лис появился почти сразу.

— Люди уходят, — сказал он, присаживаясь на соседний стул. Его хвост обвил ножку стула, янтарная серьга качнулась в ухе. — Я же говорил. Они всегда уходят. Кто-то — потому, что не понимает. Кто-то — потому, что чувствует угрозу. А кто-то — просто потому, что такова природа людей. Они временны.

— Вы сделали это. Вы забрали разговоры. Вы стёрли то, что нас связывало.

— Я взял плату. Не больше и не меньше. А то, что ваша дружба не выдержала такой мелочи... разве это дружба? На-

стоящий друг не ушёл бы из-за забытого разговора, — он наклонился и заглянул Михаилу в глаза. — Посмотри правде в лицо, Миша. Илья был хорошим парнем. Но он был слабым. Он хотел от тебя поддержки, заботы, внимания. Он брал, не давая. А я... я даю тебе то, что ты хочешь. И беру ровно то, что ты готов отдать. Это честный обмен.

— Это не обмен. Это одиночество.

Ждан улыбнулся — мягко, почти печально.

— Одиночество — это не когда ты один, Миша. Это когда рядом не те люди. Я рядом. Я всегда рядом. И я никогда не уйду.

Он встал и положил руку на плечо. Прикосновение было тёплым, почти человеческим.

— Подумай об этом. А пока — у тебя впереди ещё три экзаме́на. Хочешь, я помогу? Цена будет скромной. Маленький кусочек злости. Или способность различать оттенки синего. Или... — он усмехнулся, — ещё один разговор с Ильёй. Их осталось не так много, но пока ещё есть что забирать.

— Нет.

— Как знаешь, — Ждан пожал плечами. — Но ты вернёшься. Ты всегда возвращаешься.

Он исчез.

А Михаил остался сидеть в пустой аудитории, глядя на то место, где только что сидел Илья. На столе осталась забытая ручка — дешёвая, обгрызенная на конце. Он взял её в руки, покрутил. Вспомнил, как Илья всегда грыз ручки на нерв-

ных экзаменах. Вспомнил, как смеялся над этой привычкой. Вспомнил.

Значит, не все воспоминания пропали. Значит, Ждан не всемогущ. Эта мысль застряла в голове и грела его весь оставшийся день.

Вечером он позвонил отцу — насчёт врачей для матери Ильи. Просто так, без просьбы. Отец удивился, но обещал помочь. Михаил набрал Илью, чтобы сказать об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.